

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории перспективных проектов в образовании

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

ПЕТР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПЕРЛИН

старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории перспективных проектов в образовании

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3693-991X; nii.region@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОД ЗАПИСОК Д. БЕЛЛА О ПОЕЗДКЕ В КИТАЙ В 1719–1721 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . В конце XVII – начале XVIII века начался новый этап взаимоотношений России и Китая, стали закладываться основы будущего экономического и политического взаимодействия. Важным источником информации о партнере для обеих сторон стали как торговые караваны, так и официальные посольства. Образ экзотической страны в то время во многом формировался у русских благодаря отчетам путешественников, побывавших в Китае – стране, в значительной степени закрытой для иностранцев. Одно из таких посольств, возглавляемое Л. В. Измайловым, по распоряжению Петра I посетило Китай в 1719–1721 годах. В составе посольства был шотландский врач Джон Белл, который оставил подробные записки об этой поездке. Они стали источником ценных сведений не только о природе, культуре и обычаях народов, населявших обширные земли к востоку от Волги и далее до Байкала, но и о культуре и экономике Китая. Статья посвящена комментированному переводу этих записок (единственное очень небрежное их издание, причем в переводе с французского языка, вышло в свет 250 лет назад). Целью работы является обоснование необходимости научного перевода с подробными историческими, лингвистическими и страноведческими комментариями, что позволит раскрыть и ввести в научный оборот все богатство заложенной в записках информации. Впервые публикуется полный перевод одной из глав книги Белла, посвященной описанию приема русского посольства при императорском дворе. Публикация сопровождается подробными комментариями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Китай, Джон Белл, путешествия, русские посольства в Китай, Л. В. Измайлов, травелог, династия Цин

Д л я ц и т и р о в а н и я : Яковлев В. В., Перлин П. В. Современный перевод записок Д. Белла о поездке в Китай в 1719–1721 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 27–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.884

ВВЕДЕНИЕ

Важным источником сведений о жизни России XVIII века являются многочисленные описания, сделанные иностранцами, получившими при Петре I возможность жить и работать в России. Один из таких интересных и важных источников принадлежит перу шотландского врача и дипломата Джона Белла, это «Путешествие из российского Петербурга в различные азиатские земли»¹.

Д. Белл родился в Шотландии в 1691 году, получил медицинское образование в университете города Глазго, который окончил в 1713 году

и практически сразу по рекомендации своего соотечественника лейб-медика Петра I Роберта Карловича Арескина (Эрскина) поступил на русскую службу. В качестве врача, а впоследствии и сотрудника коллегии иностранных дел он принял участие в трех посольствах: в Персию (1715–1718), Китай (1719–1721), Османскую империю (1737–1738), а также участвовал в Персидском походе (1722–1723). Не позже 1746 года он вернулся в Шотландию, где оформил записки о поездках в составе посольств в виде книги, которая была издана в 1763 году².

Особый интерес в его сочинении представляет описание посольства в Китайскую империю, которое возглавил чрезвычайный посланник капитан Преображенского полка Лев Васильевич Измайлов (1685–1738). Посольство было отправлено для решения вопросов, связанных в первую очередь с торговыми отношениями между Россией и Китаем [11]. Записки об этой поездке оставил еще один иностранец, присутствовавший в составе посольства Измайлова, Георг Иоганн Унферцагг³. Кроме текста самого Белла, отредактированного профессором Барроном, во второй том книги вошел также дневник⁴ шведского инженера на русской службе Лоренца (Лаврентия) Ланга, который был секретарем посольства [9], а впоследствии – российским консулом (агентом) в Пекине и иркутским вице-губернатором.

Рассказ о путешествии и пребывании в Китае привлекал внимание исследователей в основном при изучении частных вопросов⁵. Белла цитирует в своих «Дорожных заметках на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.» архимандрит Палладий (Кафаров)⁶, А. М. Позднеев в работе 1880 года⁷ при рассказе о кочевом образе жизни азиатских народов ссылается на издание книги, вышедшее в Париже⁸. Отечественные исследователи и в наши дни пишут о важности труда Белла:

«На наш взгляд, в исследовании территорий Российской империи и описании народов Сибири и Азии работа Дж. Белла имеет большое значение и оказывает влияние на последующее поколение путешественников конца XVIII–XIX в.» [7].

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО НАУЧНОГО КОММЕНТИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА СОЧИНЕНИЯ Д. БЕЛЛА

Следует отметить, что полноценное использование отечественными исследователями этого важного исторического документа в своих работах затрудняет отсутствие современного научного перевода с комментариями. Единственная попытка полного перевода сочинения Белла была осуществлена два с половиной века назад М. Поповым⁹, причем не с оригинала, а с его французского перевода, сделанного Марком Антуаном Эду¹⁰. Этот перевод в переработанном виде без указания имени редактора был частично опубликован в сборнике «Русско-китайские отношения в XVIII веке» [10]. Разумеется, этот архаичный и не слишком точный перевод не соответствует требованиям, предъявляемым современной наукой к изданию документов, не говоря о том, что и перевод самого Эду уже современники считали «крайне небрежным».

Сложность представляет и отсутствие каких-либо комментариев и даже пояснений, по-

зволивших бы читателю соотнести содержание книги Белла с современными знаниями о Китае. А они необходимы, поскольку и сам автор, как правило, не дает подробных пояснений в отношении тех или иных реалий и явлений, свидетелем которых он был. Не лучше обстоит дело и с комментированием книги на западных языках. Например, в рецензии на переизданный в 1965 году в США (в сокращенном виде, под редакцией и с введением Джона Стивенсона) текст Белла [18] профессор Хьюстонского университета Рональд Дрю отмечает:

«К сожалению, введение к данному новому изданию и разрозненные примечания, предназначенные для информирования читателя, оставляют желать лучшего. <...> Примечания дают основания полагать, что сфера компетенции г-на Стивенсона – скорее Китай, нежели Россия, но даже это вряд ли может оправдать примечание на странице 49, которое никак не отвечает на вопрос, к которому оно привлекает внимание читателя, и заканчивается замечанием, не относящимся к делу; примечания в такого рода работах должны бы просвещать, а не сбивать с толку...» [20: 929–930].

Более того, даже в публикации китайского перевода книги Белла под редакцией Чжан Чаншаня и Гэн Шэна, осуществленного совсем недавно, в 2018 году, в Юньнани [23], полностью отсутствует комментарий к именам и терминам, которые знакомы явно не всем современным китайским читателям, зачастую отсутствует идентификация приводимых Беллом имен, названий официальных должностей и т. п. Поэтому представляется необходимым провести работу над новым переводом записок Белла на русский язык с английского и дополнить его историческим и языковедческим комментарием. Сам по себе перевод с английского оригинала особой сложности не представляет, язык автора довольно сух. Важной и гораздо более трудоемкой задачей является необходимость давать пояснения при переводе инокультурных реалий. Для характеристики специфики перевода и тех особенностей, с которыми приходилось сталкиваться, следует привести несколько примеров. В начале главы IX второго тома в оригинале у Белла читаем:

«The day following, the ambassador had a visit from the president of the council for western affairs, called Assehinoma, accompanied by four missionaries, two of which were messieurs Paranim and Fridelli»¹¹.

Русский перевод Попова:

«На завтра посетил Посланника Председатель Совета Западных Дел. Именовался он “Асхинома”, и был последует четырьмя Веропророковниками, из коих двое были отец Параним и отец Фриделий»¹².

Китайский перевод:

«第二天, 使臣会见理藩院侍郎, 一个被称作阿斯齐昂玛 (Asschinoma) 的官员。他由四名传教士陪同, 其中两位是巴多明 (Paranim) 神父和弗隐 (Fridelli) 神父» [23: 73].

Подстрочник:

«На следующий день посланник встретился с товарищем министра из [ведомства] Лифаньюань, чиновником, называвшимся “асыцианма”. Его сопровождали четыре миссионера, двое из которых были отец Параним и отец Фриделли».

Здесь у современного читателя затруднение могут вызвать два наименования: учреждения, глава которого прибыл к российскому послу, и титул этого главы. Обратим внимание на перевод «council for western affairs». Действительно, в имперском Китае существовало ведомство под названием «Лифаньюань» (кит. упр. 理藩院, «Палата по делам инородцев»), занимавшееся зависимыми монгольскими территориями и надзиравшее за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. Кроме того, данное ведомство курировало отношения с Россией, что подтверждало статус России в глазах Цинской империи как государства, не платящего вассальную дань. Отношениями с другими европейскими странами-«данниками» занимались в других ведомствах: Министерство Двора (кит. упр. 内务府) ведало делами не только Двора, но всем, что было связано с европейскими миссионерами и религиозными миссиями в Китае, взимало особые налоги на внешнюю торговлю; Министерство церемоний (кит. упр. 礼部) регулировало отношения с иностранными данниками, в список которых входили Голландия и Португалия. Заметим, что в английских текстах название данного ведомства обычно переводилось как the Board for National Minority Affairs, Court of Territorial Affairs, Board for the Administration of Outlying Regions, Office for Relations with Principalities, Office of Barbarian Control, Office of Mongolian and Tibetan Affairs and Court of Colonial Affairs. То есть выбранный Беллом вариант Council for Western Affairs нельзя назвать распространенным. Интерпретация этих трех китайских иероглифов весьма широка, в описательном переводе могут быть использованы разные непохожие друг на друга слова. При этом все переводы в общем верные. Такая вариативность при переводах сложных реалий случается, и допустимо, чтобы каждый автор переводил по-своему, главное, чтобы сохранялся основной смысл. В целом перевод «Лифаньюань» как Council for Western Affairs непротиворечив и вполне передает смысл.

Возглавляли Палату министр (кит. упр. 尚书, «шаншу»), а также правый и левый «товарищи министра» (кит. упр. 左右侍郎, «цзо ю шилан»).

Вероятно, китайские переводчики посчитали, что высший глава ведомства не стал бы снисходить до визита к послу и отправил одного из своих заместителей-«шиланов». В пользу этой версии говорит и то, что этого же персонажа другой член свиты русского посла, Ланг, называет «vice president».

Что касается наименования «Ассаехинома», то версия известного алтаиста и уралиста широкого профиля Дениса Шинора [21] не представляется надежной. И А. О. Ивановский (по свидетельству Пенти Альто [17]), и Н. Ф. Катанов, написавший комментарии к описанию Китая, принадлежавшего перу Н. Спафария (1675–1678)¹³, указывают, что Asxanuyama или Asxan i amban – это «член совета министров» (кит. 右侍郎). Действительно, с точки зрения фонолингвистики asschinoma – это очевидное упрощение произношения ashan-i amban, которое означает «советник, член совета министерства, как сидящий сбоку председателя»¹⁴. Два слова слились в одно, три фонемы сократились. Можно еще добавить, что в маньчжурском языке, как в русском и многих других языках, фонетические изменения в потоке речи, как правило, случаются именно в конце слова. Подобное упрощение – нормальное явление в любых языках, оно происходит как ежедневно в потоке речи, так и при межъязыковых заимствованиях¹⁵.

Более простой пример, также связанный с различием в передаче звуков чужого языка:

«On the 28th, the day appointed for the ambassador's public audience of the Emperor, horses were brought to our lodgings for the ambassador and his retinue; the Emperor being then at a country-house, called TZAN-SHU-YANG, about six miles westward from PEKIN»¹⁶.

Русский перевод Попова:

«28 числа, в которое положено было иметь Посланнику публичную Аудиенцию, привели лошадей для него и следующих за ним; потому что Император находился тогда в увеселительном доме, называемом Чань-Шу-Иангъ, лежащем около шести миль в Западе от Пекина»¹⁷.

Китайский перевод дает неверное название загородного дворца – 畅春元 [19: 74] вместо правильного 长春园 (полное написание) / 长春园 («Сад вечной весны»), и никакого комментария. А вот так выглядит текст в предлагаемом переводе на современный русский язык:

«28-го (ноября 1720 г.), в день, назначенный для публичной аудиенции посла у императора, к месту нашего размещения привели лошадей для самого посланника и его сопровождающих. Император в то время находился в загородной резиденции, называемой “Цан Шу Ян”, примерно в шести милях к западу от Пекина».

В примечании дается краткая справка по истории и назначению дворца и транскрипция его

названия в соответствии с принятой системой Палладия – Чанчунь Юань.

Один из самых запоминающихся эпизодов пребывания русского посла в Китае, описанный Беллом, – обряд «коутоу», проходивший именно в этом дворце. В переводе этого описания есть два требующих пояснений момента – лингвистический, связанный с командами, звучавшими во время церемонии, и смысловой, относящийся к смыслу самого ритуала.

Белл так описывает кульминацию этой аудиенции:

«...we imagined, the letter being delivered, all was over. But the master of the ceremonies brought back the ambassador; and then ordered all the company to kneel, and make obeisance nine times to the Emperor.

At every third time we stood up, and kneeled again.

Great pains were taken to avoid this piece of homage, but without success. The master of the ceremonies stood by, and delivered his orders in the tartar language, by pronouncing the words *morgu* and *boss*; the first meaning to bow, and the other to stand; two words which I cannot soon forget»¹⁸.

В переводе Попова читаем:

«...мы думали, что уже все кончилось. Но Церемониймейстер, отведши прочь Посланника, велел всему собранию встать на колени, и девять раз кланяться Богдыхану. Мы хотели быть уволены от сего рода раболепия, но должны были наконец оному подвергнуться. Церемониймейстер сам стоял, и делал свои приказы на Маньчжурском языке, произнося сии слова, Моргу и Босс, из коих первое значит Преклонитесь, а второе, Встаньте; и сии два слова не скоро я позабуду»¹⁹.

Здесь русский переводчик проявил большую осведомленность в китайских реалиях, чем сам автор заметок, и назвал язык, на котором распорядитель отдавал команды, «маньчжурским» (хотя и ошибочно, как это будет показано в дальнейшем). Однако он несколько слукавил, пощадив гордость соотечественников. Из слов «отведши прочь Посланника» читатель может заключить, что сам посол в церемонии троекратного поклонения участия не принимал. Однако это, безусловно, было не так. Распорядитель вывел посла из «тронного зала» во двор, где ждали члены свиты, и они вместе совершили коутоу (кит. 叩头/磕头). Этот обряд имеет и другое название, из которого понятна сама процедура: саньгуй цзюкоу (кит. 三跪九叩) – «трижды преклонить колени и девять раз поклониться». В соответствии с принципом «во всей поднебесной нет земли, которая бы не принадлежала вану, во всей земле нет никого, кто бы не был подданным вана» (кит. 普天之下莫非王土, 率土之滨莫非王臣) цинский император, считавший себя властителем мира, при контактах с другими странами, будь то «вассальное государство»

(фаньго 藩国) или «союзная держава» (юйго 与国, то есть страна, с которой взаимодействовали на равных), требовал от посланников трижды преклонить колени и девять раз поклониться. Российский посланник не стал исключением, несмотря на долгие переговоры касательно этого пункта процедуры представления императору. В случае отказа доступ российской дипломатии к пекинскому двору был закрыт.

Китайский перевод не дает транскрипции слов-команд, которые отдавал распорядитель во время церемонии, и тоже называет их «маньчжурскими»:

Итого的这一部分时间不算太长, 仪式期间, 其余人都站立于殿外, 我们以为 国书都交接了仪式也就该结束了, 可是礼仪官带回了使臣, 然后命大家跪下, 朝博格达汗磕九个头, 每磕三个就站立起来, 然后再跪下再磕三个。为了避免行此礼, 我们先前已做了许多努力, 可是都没有成功。礼仪官站着, 用满语发布命令, 第一个词意思是俯首磕头, 第二个词意思是起立, 给我留下了深刻的印象。[23: 75]

(«...Распорядитель церемониала стоя отдавал приказы на маньчжурском языке, первое слово означало “смирно склонив голову, кланяться в землю”, второе “подняться”, что оставило у нас неизгладимое впечатление».)

Предлагаемый в настоящей работе перевод этого отрывка и комментарий выглядят так:

«...мы полагали, что, поскольку грамоты переданы, аудиенции конец, но распорядитель вывел посла наружу и приказал всем присутствующим встать на колени и совершить девятикратное поклонение императору. После каждого третьего поклона мы поднимались и затем вновь вставали на колени. Много усилий было ранее приложено к тому, чтобы избежать такого выражения почтения, но все они оказались безуспешными. Распорядитель церемонии стоял рядом и отдавал указания на татарском языке, произнося слова “моргу” и “боше”; первое значило кланяться, а второе – подняться. Два эти слова я забуду не скоро».

Следуя оригиналу, в переводе используется «татарский» в качестве определения языка, но в примечании указывается, что язык был монгольский. Белл и в нескольких других случаях называет незнакомый ему язык «татарским». Династия Цин была маньчжурской, и именно этот язык часто использовался в качестве официального. Однако попытки найти эти слова в нужных значениях в корпусе маньчжурского языка безуспешны. Необходимо отметить очень хорошее словарное обеспечение маньчжурского языка. Название словаря И. И. Захарова – «Полный маньчжурско-русский словарь» верно отражает его полноту. Если какое-то слово в нем не зафиксировано, это позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что в официальном (бюрократическом, дворцовом и т. п.) маньчжурском языке этого слова нет.

Помогло обращение к уникальному словарю целой языковой семьи Цинциуса [14]: здесь находится первое слово – *мургу* [14; Т. 1: 558]. Оно описано как присутствующее только в эвенкийском и солонском, но его нет ни в одном другом тунгусо-маньчжурском языке. Это означает, что слово заимствованное. И тут же указан источник заимствования – монгольское *mörgü*.

Монгольские словари²⁰ подтверждают присутствие первого слова – *мөргөх*, а также второе слово – *босох*²¹. Повелительное наклонение в монгольском (как и в маньчжурском) языке образуется с помощью основы глагола, то есть *мөргөх* > *мөргө*, *босох* > *босо*.

Это, к слову, не особо вежливый краткий императив: «кланяйся», «вставай». Итак, можно с уверенностью утверждать, что на церемонии звучали команды, отданные по-монгольски. К тому же

сам Белл пишет, что распорядитель по рождению происходит из варваров-«монгалов»²².

ВЫВОДЫ

Приведенные примеры (их перечень можно продолжить) показывают, насколько важным и необходимым является осуществление полного научного комментированного издания записок Д. Белла и какая большая работа зачастую бывает необходима для того, чтобы непонятное слово в исходном тексте раскрылось в комментарии и обогатило понимание описываемого эпизода. Это масштабная задача, требующая много времени и усилий. В данной публикации приводится полный перевод с комментариями одной из самых интересных глав книги, посвященной рассказу о приеме русского посольства при императорском дворе в Пекине.

ДЖОН БЕЛЛ «ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ РОССИЙСКОГО ПЕТЕРБУРГА В РАЗЛИЧНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ»

(перевод П. В. Перлина)

Глава IX (1720 г.)

События в Пекине, аудиенция посла и пр.

19-го [ноября 1720 г.] премьер-министр²³ в сопровождении церемониймейстера и пяти иезуитов прибыли поприветствовать посла. Как только они вошли в ворота, двое из сопровождавших прошли вперед них на некоторое расстояние, издавая гудение – обычный знак того, что приближается некое значительное лицо. *Алой*²⁴ желал, чтобы посол передал ему верительные грамоты, на что не получил легкого согласия до тех пор, пока министры не стали на том чрезвычайно настаивать. Они утверждали, что император никогда не принимает посланий от своих лучших друзей, среди которых и Его Царское Величество [Петр], не узнав предварительно содержания. Наконец была представлена копия на латинском языке с русского оригинала. Церемониймейстер и миссионеры, переведя ее на китайский, удалились. Но *алегада*²⁵ оставался еще три часа, ведя беседу на различные темы. Этот министр, похоже, был заядлым спортсменом. Он изъявил желание посмотреть на собак посла – нескольких борзых и французских гончих, пожелал получить в подарок одну из тех, что ему особенно понравились, и принял пару борзых.

Между тем император прислал справиться о здоровье посла одного чиновника, прибывшего в сопровождении большого стола, покрытого желтой скатертью, который несли четыре человека. На него поставили разнообразные фрукты и сладости, а посередине – большой кусок отменной баранины. Чиновник сообщил послу, что это блюда со стола самого императора, и он надеется, что тот их отведаст. Это было сочтено особым знаком расположения императора.

На следующий день послу нанес визит глава *Совета по делам Запада*²⁶, которого называли *ассехинома*²⁷, в сопровождении четырех миссионеров, двое из них были господа Параним²⁸ и Фриделли²⁹. Разговор пошел в основном о церемониале представления посла императору, и этот вопрос уладить было нелегко. Основные пункты, на которых настаивал посол, состояли в том, что он должен передать свои верительные бумаги непосредственно в руки императора и должен быть освобожден от девяти поклонов при входе к монарху (этому обычаю подчиняются все предстающие перед императором). Глава же Совета, напротив, утверждал, что в Китае на протяжении многих веков практиковался обычай, прямо противоположный этим требованиям. Император никогда не принимает верительные грамоты собственноручно, обычай требует, чтобы посол положил их на стол на некотором расстоянии от трона или туда, куда укажет император, после чего их передаст владыке специально назначенный чиновник.

В то же время президент пригласил посла на банкет, который состоится в городском дворце, где, как он сказал, император будет присутствовать и поговорит с ним. Его превосходительство отвечал,

что примет приглашение при условии, что при этой okazji сможет передать письмо пославшего его царя. Ему было сказано, что для этого место и время неподходящие, но что император собирается дать ему вскорости публичную аудиенцию, где и примет официально верительные грамоты.

Посол был озабочен тем, что, поскольку у императора уже были копии его верительных грамот, официальная аудиенция может быть отложена, и поэтому отклонил приглашение. Однако впоследствии оказалось, что эти подозрения были безосновательны и что император хотел лишь оказать послу честь.

21-го числа *алеггада* нанес второй визит. Его слуги внесли уже заваренный чай, несколько сосудов с водкой, фрукты и сладости. С того дня не происходило ничего существенного, кроме ежедневных посланий двора, связанных с церемониалом, до 27-го числа, когда наконец дело было улажено на следующих условиях: «...посол подчинится установленному обычаю китайского двора, и когда император пошлет посла в Россию, у него будут инструкции подчиняться во всех отношениях церемониям, установленным при том дворе». Это дело доставило пекинскому министерству немало хлопот, и я должен признать, что миссионеры приложили немалые усилия к тому, чтобы смягчить обе стороны. 28-го [ноября], в день, назначенный для публичной аудиенции посла у императора, к месту нашего размещения привели лошадей для самого посланника и его сопровождающих. Император в то время находился в загородной резиденции, называемой Цан Шу Ян³⁰, примерно в шести милях к западу от Пекина.

Мы сели на лошадей в восемь часов утра и примерно в десять прибыли ко двору; здесь мы спешили у ворот, охранявшихся внушительным отрядом солдат. Их командир проводил нас в большое помещение, где мы выпили чаю и оставались около получаса, пока император готовился к встрече. Затем мы вышли на просторный двор, окруженный высокой кирпичной стеной и в несколько рядов обсаженный деревьями со стволами в двадцать сантиметров, которые я принял за лаймы. Дорожки двора были посыпаны мелкой галькой, а большой проезд упирался в зал для аудиенций, за которым располагались покои императора. По обе стороны от этой аллеи располагались изящные клумбы и каналы. Подойдя ближе, мы увидели всех министров и офицеров двора, сидящих скрестив ноги на четырех просторных диванах перед залом на открытом воздухе. Среди них было отведено место для посла и его свиты, и в этом положении мы пребывали на морозце, пока император не вошел в зал. Все это время в зале находилось только два или три служителя, и ни один звук не нарушал тишину. Ко входу вели семь мраморных ступеней во всю ширину фасада. Пол был искусно выложен черными и белыми мраморными квадратами. Проем входа открыт на южную сторону, крышу поддерживал ряд изящных деревянных восьмиугольных колонн, отменно отполированных. Они были спереди завешены большим полотном, как бы для защиты от солнца или непогоды.

После того как мы прождали около четверти часа, император вошел в зал через задние двери и сел на трон, все присутствующие встали. Затем распорядитель церемонии попросил посла, стоявшего на некотором расстоянии от остальных, войти в зал, при этом придерживая его одной рукой и держа в другой верительные грамоты. Посол положил эти грамоты на стол, поставленный для этой цели, как было оговорено заранее. Однако император поманил посла, призывая его подойти. Тотчас же посол взял грамоты, в сопровождении *алоя* подошел к трону и, преклонив колена, положил их перед императором. Тот коснулся их рукой и осведомился о здоровье Его Царского Величества. Потом он сказал послу, что испытывает такую любовь и дружбу к Его Величеству, что даже пренебрег устоявшимися обычаями при приеме этого послания.

Во время этой части церемонии, которая была довольно непродолжительной, сопровождающие по-прежнему стояли за пределами зала, и мы полагали, что, поскольку грамоты переданы, аудиенция закончена, но распорядитель вывел посла наружу и приказал всем присутствующим встать на колени и совершить девятикратное поклонение императору. После каждого третьего поклона мы поднимались и затем вновь вставали на колени. Много усилий было приложено к тому, чтобы избежать такого выражения почтения, но все они оказались безуспешными. Распорядитель церемонии стоял рядом и отдавал указания на татарском³¹ языке, произнося слова «*моргу*» и «*боис*»; первое значило «кланяться», а второе – «подняться»³². Два эти слова я забуду не скоро.

После этой формальности распорядитель церемонии провел посла и еще шестерых джентльменов из свиты с одним из переводчиков в зал. Наши клерки, младшие офицеры и слуги остались снаружи вместе со множеством придворных и высшими служителями. Нас посадили на отдельные подушки, расположенные в ряд на полу, справа от трона на расстоянии примерно шести ярдов. Позади нас сидели три миссионера, одетые в китайское платье. Они постоянно находились при дворе. В этом случае они по очереди выполняли роль переводчиков.

Вскоре после того, как мы уселись, император подзвал посла, взял его за руку и очень запросто говорил с ним о разных предметах. Среди прочего он сказал, что ему сообщили, будто Его Царское Величество подвергал себя множеству опасностей, в особенности водных, чему он, император, был очень удивлен. Он хотел бы, чтобы [Петр] прислушался к совету старого человека и не рисковал жизнью, отдавая себя на волю яростным ветрам и водам, против которых бессильна любая отвага. Мы находились достаточно близко и смогли услышать этот дружеский и здравый совет.

По окончании этой беседы император собственноручно подал послу золотой кубок, наполненный теплым *тарассуном*³³, сладким ферментированным вином, приготовленным из различных злаков, чистым и крепким, как канарское вино, с неприятным запахом, но отнюдь не противное на вкус. Этой чашей обнесли присутствующих, и все мы пили за здоровье императора, который заметил, что вино согреет нас этим прохладным утром. Император также обратил внимание на наши одежды, не соответствующие холодному климату, и я должен признаться, что мысленно согласился с ним.

С левой стороны трона сидели пять принцев, сыновей императора, вместе с министрами и сановниками двора. *Тарассун*, однако, предложили только нам и иезуитам, сидевшим позади. Затем в зал вошли восемь или десять внуков императора. Они были очень красивы и одеты совсем просто, без знаков особого отличия, кроме драконов с пятью когтями, вышитых на верхней одежде, и желтых сатиновых накидок с таким же узором, а также маленьких шапочек с опушкой из собольего меха. За ними вошли музыканты с инструментами. К этому времени в зале стало довольнолюдно, но, что удивительно, не было ни шума, ни суеты, ни спешки. Каждый в точности знал, что делать, а толстые подошвы китайской обуви, сделанные из бумажной ткани, не издают шума при ходьбе. Благодаря этому все проходило чрезвычайно чинно, но в то же время отменно быстро.

Говоря коротко, отличительные черты пекинского двора – скорее порядок и достоинство, нежели помпезность и пышность.

Император сидел на престоле скрестив ноги. На нем было короткое просторное одеяние из соболя мехом наружу, отороченное мерлушкой; под ним была надета длинная рубаша из желтого шелка, вышитая фигурами золотых драконов с пятью когтями – этот узор не дозволяется носить никому за исключением членов императорской семьи. На голове у него была маленькая круглая шапочка, отороченная черным лисьим мехом, увенчанная большой прекрасной жемчужиной в форме груши, которая вместе с кисточкой из алого шелка, прикрепленной под жемчужиной, была единственным украшением, которое я смог увидеть на этом могучем монархе. Трон тоже был очень простым, сделанным из дерева, но очень искусно исполненным. Он был поднят на пять невысоких ступеней над полом и открыт спереди, но по обе стороны его прикрывали от ветра две лаковые ширмы.

Распорядитель церемонии и несколько придворных были наряжены в официальное платье из золотой и серебряной парчи с устрашающими драконами, вытканными на спине и груди. Большинство министров были одеты очень скромно и не имели на себе никаких украшений, только у нескольких были крупные рубины, сапфиры и изумруды. Эти драгоценные камни огранены в форме груши, и в них просверлены отверстия для прикрепления на самом вершю шляпы. Эти отверстия снизили бы стоимость драгоценностей на европейском рынке по крайней мере наполовину. Я, однако, видел как-то в Пекине, как один такой рубин с отверстием продали за совсем небольшую цену, а в Европе его оценили в десять тысяч фунтов стерлингов. Но такие удачные сделки – редкость, это касается первоклассных камней редкого размера и чистоты. Что же касается алмазов, китайцы, по-видимому, не слишком ценят их, поскольку в Китае их очень мало и они обычно огранены очень грубо, как, впрочем, и остальные драгоценные камни.

Было около полудня, и нам начали подавать угощение (о котором я также дам отчет). Вначале внесли небольшие аккуратные столики, уставленные разнообразными фруктами и сладостями, и расставили их перед всеми присутствующими. Похоже, что в этой стране существует обычай вначале подавать десерт; по крайней мере, так было во время всех угощений, где мне случалось присутствовать. В этом, как и во многом другом, проявляется полная противоположность поведения китайцев европейским обычаям. Вскоре после фруктов подали еду, таким же манером поставив блюда на маленькие столы перед гостями. Это была дичь, баранина и свинина, очень хорошего качества, все либо вареное, либо тушенное с солеными овощами, жареных блюд не было. Император отослал несколько блюд со своего стола послу, в том числе вареных фазанов, которые были весьма хороши на вкус.

Музыка играла во все продолжение обеда. Основными инструментами были флейты, арфы³⁴ и лютни³⁵, настроенные на китайский вкус. Было представлено и вокальное музицирование, в частности, один старый татарин спел воинственную песню, отбивая ритм двумя костяными палочками по колокольчикам, висевшим перед ним³⁶. Один молодой татарин исполнил призыв к войне, танцуя при этом и пристукивая по щиту наконечником стрелы. Затем вошли две маленькие девочки, танцевавшие

под инструментальную музыку. После них выступали акробаты, исполнившие различные трюки во дворе перед залом. За ними появились борцы, фехтовальщики и другие исполнители того же рода. Император часто отправлял к послу служителя, чтобы осведомиться, нравится ли тому музыка, танцы и прочие развлечения. Он также осведомился о нескольких принцах и государствах Европы, о морской и сухопутной силе которых он был наслышан. Но более всего он удивлялся, как Шведское королевство могло так долго противостоять такой великой силе, какую представляла собой Россия. После этой беседы император сообщил русскому посланнику, что вскоре он призовет его вновь, но, ввиду того что вечер был холодным, он не будет его более задерживать в этот раз. После этого он сразу же сошел со своего трона и возвратился в свои апартаменты тем же путем, которым пришел. Мы также сели верхом и вернулись в наши квартиры в городе, довольные обходительным и дружелюбным приемом, оказанным нам императором, так что все наши прошлые трудности были почти забыты.

29-го [ноября] мандарин³⁷ Тулишэнь³⁸ в сопровождении двух чиновников прибыл в наши квартиры и получил список подарков, присланных царем императору. Среди них были богатые меха, большие часы и карманные часы с репетиром, украшенные бриллиантами, зеркала, а также панорама Полтавской битвы, искусно выполненная из слоновой кости собственноручно его Царским Величеством и вставленная в затейливую раму. Посол передал этому мандарину в качестве подарка императору от себя лично несколько ценных вещей, отличную выезженную лошадь, несколько борзых и больших английских гончих³⁹.

Все было тщательно записано в книгу, даже клички и отличия всех собак. На шею каждой из них повязали желтый шелковый шнур, продетый сквозь небольшой кусок дерева, означавший их принадлежность двору. Китайцы вообще очень любят небольших собачек, исполняющих трюки наподобие обезьянок. Один из наших слуг имел такую и продал ее за сто унций серебра.

В тот же день все фрукты и сласти, оставшиеся от угощения на аудиенции, были посланы на квартиру посла. Их помпезно пронесли по улицам, накрыв желтым шелком; процессию возглавлял представитель двора.

На следующий день император прислал нам на квартиры несколько больших блюд массивного золота с рыбой, называемой «му»⁴⁰, уже приготовленной, но таким способом, что я не могу сравнить его ни с чем мне известным. Кроме того, было несколько мисок, полных отличной вермишели и пышных булочек, которые готовят на пару, превосходивших своей белизной все, что я видел до тех пор. Все это было прислано со стола Его Величества, что было милостью, оказываемой крайне редко. Похоже, он решил снабжать нас провизией в изобилии, поскольку кроме этого мы получали ежедневное содержание, и отнюдь не скудное.

После ужина распорядитель церемоний, сопровождаемый старшим евнухом и тремя иезуитами, пришел навестить посла. Этот евнух был любимым фаворитом императора благодаря своим познаниям в математике и механике. Он подарил послу небольшие эмалированные часы и духовое ружье, все собственного изготовления. Император сам был большим любителем искусств, и настолько, что всякий добившийся выдающихся успехов в любом полезном деле имел верный шанс получить должное поощрение. Этот евнух сделал послу еще один подарок – огниво, а потом пожелал посмотреть подарки [русского царя], что и было удовлетворено. Уходя, *алой* сказал послу, что император собирался подарить ему китайское платье, которое было более теплым и удобным, чем европейское.

Пятого декабря *мерин-сангуин*⁴¹, старший чиновник и брат пятого государственного министра, нанес послу визит. Несмотря на высокий ранг этого военного, при нем не было меча, поскольку в Пекине никто, даже офицеры и солдаты, кроме как будучи на службе, не носят мечей или другого оружия в пределах города.

На следующий день посол был вторично принят императором в том же дворце. По этому случаю ко двору были представлены подарки [русского] царя, принесенные отряженными для этого людьми. Император осмотрел их все с некоторого расстояния, после чего их передали чиновнику, назначенному его величеством для их приема. Посетителей принимали в отдельном помещении, располагавшемся во внутреннем дворе, где присутствовали только чиновники двора и сопровождавшие посла лица. Прием проходил в том же порядке, что и раньше. Император дружелюбно беседовал с послом на различные темы, в частности, он философски рассуждал о мире и войне. Вечером мы вернулись в город, сопровождаемые холодным северным ветром, несшим облака пыли. Едва мы прибыли, как в наши квартиры, как обычно, были доставлены фрукты и сладости.

Тем вечером навестить посла приехал один из внуков⁴² императора. Это был изящный юноша лет четырнадцати, при нем было не более полудюжины сопровождающих.

На следующий день погода была по-прежнему холодной и даже морозной. Небо было чистым. Но сильный ветер с северо-запада нес клубы пыли. Я заметил, что северо-западные ветра в этих краях самые холодные, поскольку они проносятся над обширными пространствами Сибири, полными снега и льда.

Четвертого числа (4-го декабря. – *Примеч. пер.*) выпал снег глубиной 7–8 дюймов⁴³, его тут же смели в кучи, и улицы снова стали чистыми. В этот день миссионеры прислали послу подарок, состоявший из нескольких видов дичи, битой птицы, а также такого разнообразия фруктов и сладостей, какого я не видел ни в одной стране; кроме того, были присланы пара кувшинов вина, которое они изготовили сами. Среди фруктов попадались такие, которых я никогда не видел, в особенности меня поразили яблоки размером с обычный апельсин с гладкой кожицей желтоватого оттенка, очень мягкие и сладкие, даже приторные, а также плод размером с орех, совершенно круглый, напоминавший вкусом сливу, но гораздо более вкусный⁴⁴; у него была гладкая твердая косточка, и весь он был покрыт тонкой коричневатой скорлупой, настолько хрупкой, что она легко трескалась, стоило ее сдавить большим и указательным пальцами. Некоторые скорлупки были шершавыми, некоторые – гладкими. Они не дают птицам склевать нежный плод, а также защищают от пыли, и, что необычно, сам плод не примыкает к скорлупе, но между ними существует небольшой зазор. Он не только приятен на вкус, но и, как говорят, очень полезен.

Пятого [декабря] посол получил третью аудиенцию у императора во дворце в Пекине. Поскольку должны были обсуждаться некоторые вопросы, связанные с делами двух государств, посла сопровождал лишь секретарь, г-н Ланг⁴⁵. После представления император сообщил им, что отдал приказ Совету по западным делам⁴⁶ выслушать суть его поручений, а сам удалился во внутренние покои, оставив своих министров заниматься делами, которые были вскоре окончены, и посол вернулся на свою квартиру.

Шестого [декабря], в день Св. Николая [Чудотворца], важного праздника для Греческой церкви, посол отправился в пекинскую русскую часовню и присутствовал на службе. Дом этот находится в самом городе, у восточной стены, он был построен на средства нынешнего императора *Камху*⁴⁷ при следующих обстоятельствах.

Примерно в 1688 году между правителями Сибири и китайцами произошли разногласия по поводу небольшого форта, называемого Албазин⁴⁸, который русские построили на берегах реки Амур. Китайцы заявили, что форт построен на их землях, и, завидуя поползновениям таких сильных соседей, несколько раз безуспешно требовали от губернатора Сибири разрушить его. Наконец император, раздраженный проволочками, послал армию в сто тысяч воинов⁴⁹ совершить силой то, что не было достигнуто переговорами. Они заполонили все окрестности того места и установили артиллерию. После яростной обороны гарнизон, состоявший из трех или четырех сотен казаков, был вынужден сдаться из-за недостатка провианта. Никаких условий [они] выставить не могли, и все русские стали пленниками⁵⁰. После чего их отвезли в Пекин, где император щедро наделил их домами вдали от остальных горожан, разрешил им свободно исповедовать свою религию и положил жалованье наравне со своими солдатами. Вследствие такого мягкого обращения они смогли построить эту небольшую часовню, которой и до сих пор владеют⁵¹. Потомки этих пленников, довольно многочисленные, помогают своим соотечественникам в качестве переводчиков. Я ранее упоминал, что эти разногласия были разрешены следующим путем: пленники с обеих сторон не подлежали обмену, а форт Албазин должен был быть разрушен; с того времени две империи продолжили мирные сношения. Обитатели Сибири сожалеют о потере своего форта, поскольку стоял он в местах с прекрасным климатом и обеспечивал защиту обширных территорий к северу от Амура, а кроме того, открывал проход по реке к Японским островам⁵². Это событие, однако, дало возможность учреждения в Китае греческой⁵³ церкви, которая и сейчас процветает, хотя прихожан и не очень много. Когда умирает один священник, другой приезжает ему на смену из Сибири и окормляет в основном свою небольшую паству, совсем не думая об обращении туземцев. Обстоятельства не дают [православным] быть заносчивыми по отношению к католическим миссионерам, которым и в голову не приходит, что те могут как-то помешать интересам их церкви. Эти миссионеры постоянно заняты обращением в свою веру [китайцев], и на этом поприще уже добились некоторых успехов.

Седьмого [декабря] мы обедали у *алегады*, где нас развлекали самым великолепным образом. Кроме нас никого не было, и мы оставались у него целый день. Это был самый элегантный и щедрый прием из всех, что я видел в Китае.

Около десяти утра за послом и господами из свиты были присланы паланкины, а также лошади для слуг, несмотря на то что дом премьер-министра был совсем недалеко от наших квартир. Палан-

кины пронесли через два внутренних двора и опустили у входа в зал, где *алеггада* ожидал посла. В зале нас усадили в изящные плетеные кресла, отделанные черным лаком и инкрустированные перламутром. Само помещение было довольно простым, открытым на юг, и с этой стороны крышу поддерживали тонко выточенные деревянные колонны. Потолочное перекрытие отсутствовало, но стропила были тщательно отполированы и вычищены. Пол был выложен черно-белой мраморной плиткой, посередине стояла медная жаровня в виде урны, полная углей. У входа стояли два больших фарфоровых сосуда, наполненные чистой водой, в которой резвились стайки мелких рыб, охотившихся за хлебными крошками. Рыбки были размером с пескаря, но другой формы, украшены красными, белыми и желтыми пятнами; назывались они поэтому золотыми и серебряными рыбками. Я не встречал их нигде за пределами этой страны, хотя, полагаю, их можно было бы легко вывезти в Европу, поскольку они неприхотливы. В моей квартире на окне стояла чаша с двумя десятками таких рыбок, и как-то утром после морозной ночи я обнаружил, что вода замерзла, большинство рыбок были неподвижны и, по-видимому, мертвы; но после того, как их поместили в свежую чистую воду, все, кроме двух или трех, ожили.

После того как мы выпили чаю, на столах расставили разнообразные бульоны и другие блюда вперемешку с фруктами и сладостями. У каждого из гостей был свой отдельный столик, и все они обслуживались на один манер. Это пиршество, похоже, было всего лишь завтраком, хотя его легко можно было принять за обед.

После угощения *алеггада* сначала повел нас показать своих собак, каковых у него было великое множество. Я ранее отмечал, что этот джентльмен был заядлым спортсменом. Он получал большее удовольствие от разговоров о гончих, чем о политике; хотя в то же время он производил впечатление очень дельного министра и честного человека.

Нас провели по различным помещениям его дома, за исключением женской половины, куда не имел доступа никто, кроме него самого и прислуживавших евнухов. Мы увидели замечательную коллекцию занятных вещей, как природных, так и рукотворных, в особенности большое количество старинных фарфоровых изделий, произведенных в Китае и Японии, которые в наши дни можно встретить только в музеях. В основном это были многочисленные вазы различных размеров. Хозяин получал большое удовольствие, рассказывая, где и когда они были изготовлены; насколько я помню, многим из них было более двух тысяч лет. Он также добавил, что как в Китае, так и в Японии искусство изготовления такого совершенного фарфора, как в прошлые времена, было утрачено, и причиной этого, по его мнению, была [неправильная] подготовка сырья. Полки до самого потолка были уставлены всяческими занимательными вещицами, а порядок и симметрия их расположения создавали поистине прелестный эффект.

Из дома мы перешли в небольшой сад, окруженный высокой кирпичной стеной. В его центре находился небольшой бассейн, наполненный водой и окруженный несколькими старыми искривленными деревьями и кустами, среди которых я заметил те, с которых собирают знаменитый чай. Климат Пекина был слишком холодным для этого вида, и их можно найти только в нескольких декоративных садах. Я не буду далее распространяться об этом полезном растении, немного похожем на смородину, поскольку мне еще предстоит возможность дать о нем более подробный отчет, прежде чем я покину эти края. Вокруг сада вела дорожка, усыпанная, как и тропинка по центру, мелким гравием. В обоих концах центральной тропинки размещались куски обработанного камня, под которыми бежала вода, и до того естественно, что казалось, будто отверстия в камне промыты самим потоком. Камни были около двух метров высотой, и их осеняли старые причудливо изогнутые деревья. Этот садик, как и многие другие вещи в Китае, отражал тягу здешних обитателей к имитации природы.

Из сада нас позвали к обеду, где нас ждало обильное и изысканное угощение, поданное изящнейшим манером, намного превосходившим все, что нам предлагалось до этого. Не было ни музыки, ни танцев, и все происходило с удивительным достоинством и порядком. Угощение продолжалось около двух часов, после чего мы вернулись в свои квартиры.

В тот день наши ворота были открыты для самых разных людей, торговцам и прочему люду дозволялось входить и выходить, когда им вздумается. Хотя общение не было под запретом и ранее, но оно было довольно затруднено и на него требовалось разрешение соответствующего начальника.

Восьмого [декабря] мы обедали в южном монастыре, где в основном жили итальянские миссионеры. Здесь собрались все иезуиты⁵⁴ числом около десяти или двенадцати. Нас встретил дружелюбный прием и совершенно великолепное угощение.

Этот монастырь расположен в городе, на участке земли, переданном отцам императором. Он также выделил десять тысяч унций серебра на строительство и отделку капеллы, весьма изящной, украшенной изображениями святых и декоративными текстами из Писания, написанными идеальным почерком. Надпись со свидетельством о замечательном благодеянии императора Камхи вырезана

золотыми буквами по-китайски и выставлена над главными воротами, что вызывает еще большее уважение местных жителей к этому месту. Когда мы прибыли, один из священников исполнял свои обязанности в капелле, где собралось около сотни новообращенных китайцев. За обедом нам подали несколько бутылок вина, сделанного в этом монастыре; не могу сказать, что оно было достойным, хотя лоза была хорошей и приятного вкуса.

После обеда мы отправились в императорские конюшни, где содержались слоны. Служитель попросил посла оставаться в апартаментах, пока слонов не снарядят; после того мы вышли во двор и увидели этих огромных животных, богато украшенных золотыми и серебряными чепраками. У каждого на спине было по погонщику, державшему в руках небольшой топорик с острой пикой с одной стороны для управления животным. Мы около часа восхищались этими умными животными, некоторые из них были очень большими; проходя перед нами на равном расстоянии, они возвращались за стойла, и так повторялось снова и снова, казалось, этой процессии не будет конца. Эта уловка была наконец раскрыта благодаря виду и одежде погонщиков, и главный служитель сказал нам, что их было всего шестьдесят. Климат Пекина слишком холоден для их размножения, и все слоны, что мы видели, были куплены в теплых странах. Император держит их только напоказ и никак не использует, по крайней мере в этих северных краях. Несколько подвели ближе к тому месту, где мы сидели, и они приветствовали нас, опустившись на колени и производя ужасающие звуки. Другие всасывали воду из сосудов и разбрызгивали ее через свои хоботы, направляя струи на толпу или туда, куда указывал погонщик. Сообразительность этих животных весьма поразительна и приближается к разумности, в этом отношении они превосходят всех диких животных. После представления мы расстались с иезуитами, которые нас сопровождали, и вернулись в свои квартиры.

На следующий день все джентльмены обедали во дворце девятого сына⁵⁵ императора по приглашению его главного евнуха, большого друга Русского дома⁵⁶. Поскольку приглашение исходило не от самого принца, посол его не принял. Угощение было великолепным и сопровождалось музыкой, танцами и некоторого рода представлением, которое продолжалось большую часть дня. Комедианты были обоих полов, если только женские роли не исполняли мальчики, одетые актрисами. Поскольку представление было на китайском, я не понимал ничего, кроме жестов и действий исполнителей. Оно показалось мне набором разрозненных интерлюдий без какого-то определенного финала или общего замысла. Поэтому я упомяну только одну сцену, которая показалась мне чрезвычайно необычной. На сцену вышли семеро воинов, все в доспехах, с различным оружием в руках и ужасными масками на лицах. Пройдя несколько раз по сцене и обозрев доспехи друг друга, они наконец затеяли драку, и один из героев был повержен. Затем с облаков при блеске молний спустился ангел с ужасающим мечом в руке и быстро согнал бойцов со сцены. После этого он вознесся тем же манером, что и спустился, в облаке дыма и огня. За этой сценкой последовало несколько комических фарсов, которые мне показались очень забавными, хотя и исполнялись на языке, мне непонятном. Последний персонаж, появившийся на сцене, был европейский джентльмен в полном облачении, украшенном золотым и серебряным кружевом. Он снял шляпу и низко кланялся всем проходящим мимо него. Оставляю воображению читателя, какую неуклюжую фигуру представлял собой китаец в этом потешном костюме. Эта сцена была прервана, и распорядитель пира удалил актеров, заподозрив, что гости могут обидеться. После окончания представления нас развлекали жонглеры, которые с необычайной ловкостью демонстрировали различные фокусы.

Банкет продолжался весь день, кроме перерывов на интерлюдии. Не успевали убрать одну перемену блюд, как тут же на столы ставили следующую; пир завершился фруктами и сладостями. Невозможно представить, что роскошь настолько проникла в жизнь трезвых и трудолюбивых китайцев. Необходимо заметить, что на подобных пиршествах почти нет выпивки, так как они в таких случаях не употребляют вина, но пьют чай и – время от времени – глоток крепкой водки. Китайцы пользуются двумя спицами из слоновой кости или дерева вместо вилок, и с такой ловкостью, что могут собирать ими иголки. Вместо салфеток они иногда используют несколько квадратных листов бумаги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to Diverse Parts of Asia. 2 Volumes. Edinburgh: Printed for William Creech, 1788.

² Подробнее о Д. Белле и его записках см. [16].

³ Подробнее о посольстве см., например, Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. СПб.: Военная типография, 1887. 237 с.; Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 г. / Составлено по документам,

- хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 г. Н. Бантыш-Каменским; С прибавлением издателя В. М. Флоринского. Казань: Типография Императорского ун-та, 1882. 565 с.; Ланг Л. Ежедневная записка пребывания г. Ланга, агента или поверенного в дела Его Величества Всероссийского императора Петра I в 1721 и в 1722 году, содержащая его переговоры // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попова. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 3. С. 1–247; Позднеев А. М. Образцы народной литературы монгольских племен / Собраны и изданы А. Позднеевым. СПб., 1880. 347 с.; [1], [12], [13], [15].
- ⁴ Ланг Л. Указ. соч. См. также [9].
- ⁵ См., например: Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817–1878). Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. / [Соч.] Архим. Палладия; С введением доктора Е. В. Бретшнейдера и замечаниями проф., чл. сотр. А. М. Позднеева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. IX, [1], 238 с.; 1 л. карт. (Записки императорского Русского географического общества по общей географии; Т. XXII, № 1); Позднеев А. М. Указ. соч.; [10].
- ⁶ Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817–1878). Указ. соч.
- ⁷ Позднеев А. М. Указ. соч.
- ⁸ Bell J. *Voyages Depuis St. Petersbourg En Russie, Dans Diverses Contrées De L'Asie: À Pékin, à la suite de l'Ambassade envoyée par le Czar Pierre I, à Kamhi, Empereur de la Chine; À Isphahan en Perse, avec l'Ambassadeur du même Prince, à Schah Hussein, Sophi de Perse; À Derbent en Perse, avec l'Armée de Russie, commandée par le Czar en Personne; À Constantinople, par ordre du Comte Osterman, Chancelier de Russie, & de M. Rondeau, Ministre d'Angleterre à la Cour de Russie. On y a joint une Description de la Sibérie, & une Carte des deux Routes de l'Auteur entre Moscow & Pékin. Tome Troisième.* A Paris, Chez Robin, Libraire, rue des Cordeliers, près celle de la Comédie Française, 1766. 332 p.
- ⁹ Бел Д. Путешествие из Санкт-Петербурга в Пекин, при отправленном посольстве от государя Петра I к Камхи, Богдыхану Китайскому или Хинскому // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 1. С. 138–251; Бел Д. Продолжение путешествия в Пекин, при отправленном посольстве от государя Петра I к Камхи, Богдыхану Китайскому или Хинскому // Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 2. С. 1–244.
- ¹⁰ См. примечание 25.
- ¹¹ Bell J. *Op. cit.* Vol. II. P. 2.
- ¹² Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 83.
- ¹³ Катанов Н. Ф. Обработка сочинения писателя XVII в. Н. Г. Спафария «Описание первья части вселення, именуемой Азия, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции». Казань, 1910. LVI, 271 с.
- ¹⁴ Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. С. 28.
- ¹⁵ Устный комментарий К. С. Яхонтова.
- ¹⁶ Bell J. *Op. cit.* Vol. II. P. 5.
- ¹⁷ Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 85.
- ¹⁸ Bell J. *Op. cit.* Vol. II. P. 7.
- ¹⁹ Бел Д. Указ. соч. Ч. 2. С. 88.
- ²⁰ Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. (под ред.) Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. М.: Academia, 2001–2002. Т. 2. С. 228; ср. также [4: 117].
- ²¹ Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 406.
- ²² Хочу выразить глубокую благодарность Константину Сергеевичу Яхонтову, специалисту по маньчжурскому языку, за помощь в выяснении значений этих и некоторых других маньчжурских и монгольских терминов.
- ²³ Далее именуется «алегада», см. примечание 25.
- ²⁴ Это слово уже встречается в предыдущем тексте сочинения, и однозначно его истолковать до сих пор не удалось. Д. Шинор [21] считает, что это собственное имя, в то же время в записках спутника Белла, агента Ланга (о Ланге см. ниже), встречается фраза «Ahloya ou maitre de Ceremonies», то есть он полагал, что данное слово означает титул или должность чиновника. Филолог с натяжкой приводит связь с маньчжурским и монгольским корнем *ahla- ахула- ‘быть старшим, главным’ (Захаров И. И. Указ. соч. С. 23; [4: 24]), ахал-, ахлах- ‘быть старшиной, главой’, ахлаач, ахлагч ‘старший, глава, начальство’ (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 303, 305), ср. ahalakci (Mongolian) ‘chief, head’ (Mongolian-English Dictionary / Compiled by Charles Bawden. Kegan Paul International. London and New York, 1997. P. 7).
- ²⁵ Скорее всего, это титул чиновника. 大學士 aliha bithe-i da, или сокращенно aliha da (Захаров И. И. Указ. соч. С. 35; Mongolian-English Dictionary. С. 15), то есть «Великий секретарь», чиновник пятого ранга в Цинской табели о рангах. Конечно, это никакой не «премьер-министр», но очень высокопоставленное лицо. В 1680 году одним из пяти сановников, носивших этот титул, был Маци, в 1688 году принимавший участие в подписании Нерчинского договора, а с 1710 года указом Канси назначенный заниматься делами русских караванов. Китайские переводчики использовали титул 侍读学士 («Ученый чтец-служитель»), таким образом «понизив» статус персонажа на три ступени в иерархии Государственной канцелярии.
- ²⁶ Скорее всего, Лифаньюань (кит. 理藩院, «Палата по делам вассальных территорий») – служба в Империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями. В структуре имперского аппарата управления была

- приравнена по статусу к Шести министерствам. При императоре Канси Палата также ведала взаимоотношениями империи с Россией.
- ²⁷ *ashan-i amban* (маньчж.), согласно словарю И. И. Захарова, «чиновник сбоку», то есть один из заместителей руководителя ведомства, «товарищ министра» (кит. 右侍郎 или 左侍郎).
- ²⁸ Доменик Парренин (Domenique Parrenin, 1665–1741, китайское имя – Ба Домин), подробнее о нем см. [8].
- ²⁹ Ксавье Эренберт Фриделли (Xavier Ehrenbert Fridelli, 1606–1682, китайское имя – Фэй Инь 费隐) – австрийский монах-иезуит, картограф, глава резиденции Св. Иосифа в Пекине. По приглашению императорского двора занимался картографированием территорий Китая.
- ³⁰ В современной транскрипции Палладия – Чанчунь Юань. Один из трех садов, составляющих загородный императорский комплекс Юань Мин Юань, первый из загородных парковых комплексов, предназначенных для кратковременного пребывания императора. Построен после двух поездок императора Канси по южным краям в 1680 году. Площадь 91 га, располагался в районе современного Пекинского университета. После завершения строительства император Канси проводил там значительную часть времени.
- ³¹ Вряд ли на татарском, скорее всего, на маньчжурском. Впрочем, Белл и в других случаях называет незнакомый ему язык татарским.
- ³² В этом случае распорядитель церемонии говорит на монгольском. Согласно словарю, *мөргөх* (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 2. С. 228; ср. также [4: 117]) и *босох* (Лувсандэндэв А., Цэдэндамб М. Указ. соч. Т. 1. С. 406) – «кланяться» и «вставать»; повелительное наклонение в монгольском (как и в маньчжурском) языке образуется с помощью основы глагола, то есть *мөргөх* > *мөргө*, *босох* > *босо*. Это не особо вежливый краткий императив: «кланяйся», «вставай» (сообщено К. С. Яхонтовым).
- ³³ Напиток с таким названием упоминает еще Марко Поло [22]. Российские буряты пьют тарасун (другое название – архи), дистиллят из молочного сырья, совсем не похожий на тот напиток, который описывают путешественники, посещавшие Китай. Пьют его холодным, в отличие от китайского напитка; в описаниях профессора Палласа читаем: «...тарассун можно сравнить со смесью бренди и английского пива» (Peter Simon Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs (Saint Petersburg, 1771–1801). St. Petersburg: Gedruckt bey der Kayserlichen academie der wissenschaften, 1773–1801. С. 131).
- ³⁴ Вероятно, *гучжэнь* 古筝.
- ³⁵ Скорее всего, *пина* 琵琶.
- ³⁶ Скорее всего, имеется в виду *бяньцин* 编磬.
- ³⁷ Так с XVI века в Европе называли высших должностных лиц Китая. От португальского *mandarim* или староголландского *mandorijn*, заимствованного, в свою очередь, из малайского: *mantri*, от *mantri* (хинди, «советник», «министр») и *mantra* (санскрит, «советник»). Китайский эквивалент – *гуань* (官).
- ³⁸ Тулишэнь (кит. trad. 圖理珮 или 圖麗琛, 1667–1741). Подробнее об этом дипломате, в 1712–1715 годах проехавшем почти всю Россию, см., например: [6], [10], [11], [13]. Можно отметить занятую параллель: «Записки о чужой стороне», написанные Тулишэнем на материале поездки по России, были не только изданы в Китае в 1723 году по-маньчжурски и по-китайски, но и переведены на несколько западных языков – в 1726 году на французский, в 1732 году – на немецкий, дважды в XVIII веке – на русский, в 1821 году – на английский.
- ³⁹ В оригинале buck-hounds; бакхаунд – порода исчезнувших в наши дни английских гончих; их использовали для стайной охоты на ланей.
- ⁴⁰ Вероятно, блюдо из «молочной рыбы» (虱目鱼 *shīmùyú* ханос, лат. *Chanos chanos*).
- ⁴¹ В оригинале «Merin Sanguin»; неясный термин, его вторая часть, *Sanguin*, возможно, искаженное «цзянцзюнь» (将军), то есть «генерал» [22: 99].
- ⁴² У Канси их было 97, старший из них – первый сын Иньжэня, Хунси – родился в 30-й год Канси (1691), а младший – четвертый сын Иньми, Хунчао, родившийся в 20-й год правления Цяньлуна (1755), разница между ними составляла 64 года. Сложно сказать, о котором идет речь в этом эпизоде. Возможно, это был Хунфан (1704–1772), второй сын Иньжи; в описываемое время ему было около 17, но западному наблюдателю subtilный юноша мог показаться моложе своих лет.
- ⁴³ 17–20 см.
- ⁴⁴ Скорее всего, *личжи* (荔枝, китайская слива).
- ⁴⁵ Лоренц Ланг, впоследствии оставшийся в Пекине в качестве торгового агента. Его записки включены Джоном Беллом в рассматриваемое издание «Записок».
- ⁴⁶ Взаимоотношениями Цинской империи с Россией ведало ведомство Лифаньюань (кит. упр. 理藩院), чья юрисдикция распространялась также на зависимые монгольские территории, оно контролировало назначение *амбаней* во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. Это подтверждало статус России в глазах Цинской империи как государства, не платящего вассальную дань. В то же время отношениями с другими европейскими странами (которые имели статус «данников») занимались в других ведомствах: Министерство Двора (内务府) ведало делами не только двора, но всем, что было связано с европейскими миссионерами и религиозными миссиями в Китае, взимало особые налоги на внешнюю торговлю; Министерство церемоний регулировало межгосударственные отношения с иностранными данниками (в список которых входили Голландия и Португалия).
- ⁴⁷ Канси 康熙 собственное имя Сюань, кит. 玄燁 (4 мая 1654 – 20 декабря 1722) – маньчжурский император из династии Цин (с 7 февраля 1661, эра Канси с 18 февраля 1662 по 4 февраля 1723). Четвертый представитель маньчжурской династии, правил 61 год – рекордно длинный срок в китайской истории.

- ⁴⁸ В действительности конфликт начался в 1681 году, см. ниже.
- ⁴⁹ Экспедиционный корпус генерала Лантаня насчитывал около 10 000 солдат, две трети которых составляла китайская пехота.
- ⁵⁰ Несколько десятков русских солдат, предположительно ссыльных разинцев, сдалось маньчжурским войскам.
- ⁵¹ В конце XVII века в Пекине для православного богослужения использовалась буддийская кумирня Гуаньдима, располагавшаяся в переулке Хуцзяюань, которая первым православным священником в Китае Максимом Леонтьевым была обращена в часовню св. Николая. В дальнейшем она была освящена в честь св. Софии, но это название не использовалось и часовню продолжали именовать Никольской.
- ⁵² В 1681 году в Албазин был передан ультиматум военного губернатора Гирина (Цзилин) эвакуировать «линию Черниговцева» на Селемдже-Зее. В ответ прозвучал отказ, на следующий год Империя Цин объявила России войну. 25 июня 1684 года Албазин как укрепление перестал существовать, гарнизон капитулировал, но в знак уважения стойкости русских солдат маньчжурский генерал согласился на почетную капитуляцию албазинцев. Они покидали руины в строю, с оружием и знаменами. Противник снабдил их подводами, продовольствием и выделил сопроводительный конвой до Забайкалья. Но конфликт на этом не завершился. Второй этап обороны заново отстроенного летом 1684 года Албазина закончился отводом 6 мая 1687 года маньчжурских войск, а к 1688 году российско-маньчжурское противостояние перешло из военного качества в дипломатическое. 28 августа 1689 года в Нерчинске был подписан первый русско-китайский договор, согласно которому граница между двумя государствами отодвигалась к северу. Албазинский острог оказался за пределами русской территории, подлежал уничтожению, а его обитатели – переселению. В начале сентября солдаты во главе с А. Бейтоном разрушили албазинские укрепления и покинули это место, отвоёванное такой ценой.
- ⁵³ То есть православной. Подробнее о православии в Китае см. [2]; Николай О. (Адоратский П. С.). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. Ч. II. С. 99–136.
- ⁵⁴ Первые иезуиты появились в Китае еще в конце XVI века. Этот орден был изначально нацелен на миссионерскую деятельность, в основу которой была положена «теология приспособления» (*theologia accomodativa*). В иноязычной, инокультурной среде иезуиты старались не навязывать строгих догматов, но проявляли внимание к местным религиям, традициям и ритуалам. Миссионеры-иезуиты принципиально снисходительно относились к «языческим грехам» (идолопоклонству, ритуалам). Они, в соответствии с принципом «*сijus regio ejus religio*» (лат. «чья власть, того и вера»), стремились найти поддержку у представителей правящей верхушки. Подробнее см. [4]; Rowbotham A. H. *Missionary and Mandarin: The Jesuits in the Court of China*. Berkeley: University of California, 1942. 390 p.
- ⁵⁵ Который в то время носил имя Иньтан (胤禵). После смерти отца и восшествия на престол четвертого сына Канси, Иньжэня (胤禛), сменил имя на Юньтан вследствие табу на иероглиф, присутствующий в имени правящего императора. Через два года после описываемых событий был отправлен в ссылку на Тибет.
- ⁵⁶ 俄羅斯館, Нань-гуань (南館) – южное и исторически первое подворье РДМ в Пекине. Находилось на месте бывшего Русского посольского двора (Хуй-гун гуань 會同館 «Палата приемов»), где до этого останавливались русские посланники, агенты и гонцы. Посольский двор был устроен в 1693 году по приказу императора Канси для временного проживания русских, приезжающих в Пекин. Размещался в здании бывшего Корейского посольского двора (Гаоли гуань 高麗館) и находился в ведении Лифаньюаня (理藩院, один из возможных переводов – «Палата по управлению инородцами»). С 1729 года по вторую половину XIX века в Нань-гуань жили архимандриты – руководители и члены РДМ. Подворье располагалось в современном районе Дун-цзяо минь сянь (東交民巷) (старое название – Дун-цзян ми сянь 東江米巷) к югу от Запретного города. После 1861 года здесь находилась РДМ. В этом же районе находился Посольский квартал, который в 1900 году штурмовали ихэтуани [2: 32–33]; Краткая история Русской православной миссии в Китае: составленная по случаю исполнившегося в 1913 году двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916. 244 с.; [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благодер Ю. Г., Чупрынников С. А. «Китайский» вектор политики Петра I (посольство Л. В. Измайлова) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 99–103. DOI: 10.24158/fik.2022.8.16
2. Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. 218 с.
3. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие. 1552–1775 гг. М.: Крафт, 2000. 256 с.
4. Краткий дагурско-русский словарь. Более 5900 слов / Сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
5. Куликов А. М. Переписка архимандрита Палладия (Кафарова) с Е. К. Бюцовым // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 4: Востоковедение. С. 68–79. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79
6. Мороз И. Т. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715) // Восточный архив. 2009. № 2 (20). С. 28–39.
7. Останина М. А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в 18–19 веках // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 571–574.

8. Пан Т. А. Деятельность Доменика Парренина в Пекине // Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2014. С. 161–170.
9. Петрунина Ж. В. Миссия Лоренца Ланга в Китае в 1721 г. (по материалам «Поденной записки») // Общество: философия, история, культура. 2022. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24158/ik.2022.2.9
10. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / Ред. С. Л. Тихвинский. Т. 1: 1700–1725. М., 1978. 704 с.
11. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42.
12. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42.
13. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769
14. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 672 с.; Т. 2. Л.: Наука, 1977. 892 с.
15. Филиппова Т. Ф. Георг Иоганн Унферцагт и его описание путешествия в Китай в составе русского посольства Л. В. Измайлова 1719–1722 гг. (по материалам фондов Отдела редкой книги БАН) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып. 2. СПб.: БАН: Альфарет, 2012. С. 12–18.
16. Яковлев В. В., Перлин П. В. Джон Белл и его описание путешествия в Китай в 1719–1721 гг. // VI Готлибовские чтения. Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2023. С. 436–443.
17. Alto P. John Bell's (1691–1780) notes from his journeys in Siberia and Mongolia // International Journal of Central Asian Studies. 1996. Vol. 1. P. 13–28.
18. Bell J. A journey from St. Petersburg to Pekin, 1719–22. (J. L. Stevenson, Ed.). Edinburgh: University Press, 1965. 248 p.
19. Cross A. In the lands of the Romanovs. An annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian Empire (1613–1917). Open Book Publishers, 2014. 438 p.
20. Drew R. F. A Journey from St Petersburg to Pekin, 1719–22 by John Bell, J. L. Stevenson / Review by: R. F. Drew // The American Historical Review. 1967. Vol. 72, No 3. P. 929–930.
21. Sinor D. Linguistic remarks pertinent to John Bell's journey // Acta Orientalia XXXII. Copenhagen, 1970. P. 231–239.
22. The book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the kingdoms and marvels of the East (Cambridge Library Collection – Travel and Exploration in Asia). Vol. 1. 1st edition. Cambridge University Press, 2010. 612 p.
23. 张昌山·耿昇 编 从圣彼得堡到北京旅行记 (1719–1722) 出版社: 云南人民 2018. 199 页 (Чжан Чаншань и Гэн Шэн (Под ред.). Записки о путешествии из Петербурга в Пекин (1719–1722). Куньмин: Юньнань жэньминь-чубаньшэ, 2018. 199 с.).

Поступила в редакцию 10.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Vladimir V. Yakovlev, Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

Petr V. Perlin, Senior Researcher, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-3693-991X; nii.region@mail.ru

CONTEMPORARY TRANSLATION OF JOHN BELL'S NOTES OF HIS JOURNEY TO CHINA IN 1719–1721

Abstract. A new stage of relations between Russia and China began in the late XVII – early XVIII centuries, laying the foundation for future economic and political interaction. For both partner states the trade caravans and official embassies became important sources of information about the other party. The image of the exotic country was largely formed for the Russians by reports of the travelers who had visited China, a country that was largely closed to foreigners. One such mission, led by L. V. Izmailov, visited China in 1719–1721 by order of Peter the Great. The embassy included a Scottish physician John Bell, who left detailed records about the journey. These notes became a valuable source of information not only about the nature, culture, and customs of the peoples inhabiting the vast lands east of the Volga River and further to Lake Baikal, but also about the culture and economy of China. This article deals with the annotated translation of these notes (they were published only once – 250 years ago, as a rather inaccurate translation from French). The aim of this work is to justify the necessity of a scholarly translation with detailed historical, linguistic, and

country-specific comments that will reveal all the wealth of the information contained in the notes and introduce it into scientific circulation. For the first time, a full translation of one of the Bell's book chapters, describing the reception of the Russian embassy at the imperial court, is published. The publication is accompanied by detailed comments.

Key words: China, John Bell, travels, Russian embassies to China, Lev Izmailov, travelogue, Qing dynasty

For citation: Yakovlev, V. V., Perlin, P. V. Contemporary translation of John Bell's notes of his journey to China in 1719–1721. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):27–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.884

REFERENCES

1. Blagoder, Yu. G., Chuprynnikov, S. A. Chinese vector of Peter the Great's policy (embassy of L. V. Izmailov). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022;8:99–103. DOI: 10.24158/fik.2022.8.16 (In Russ.)
2. Beiguan: A concise history of the Russian Orthodox mission in China. (B. G. Aleksandrov, Comp.). St. Petersburg, 2006. 218 p. (In Russ.)
3. Dubrovskaya, D. V. Jesuits' mission in China. Matteo Ricci and others. 1552–1775. Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.)
4. A concise Dagur-Russian dictionary. Over 5900 words. (G. Tumurdey, B. D. Cybenov, Comp.). Ulan-Ude, 2014. 236 p. (In Russ.)
5. Kulikov, A. M. Correspondence of Archimandrite Palladius (Kafarov) with E. K. Bykov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021;20(4):68–79. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-4-68-79 (In Russ.)
6. Moroz, I. T. Tulishen's Chinese embassy to Kalmyk Khan Ayuka on the Volga River (1712–1715). *Vostochnyy arhiv*. 2009;2(20):28–39. (In Russ.)
7. Ostanina, M. A. John Bell's travel narrative about the journey across the Asian space (1719–1721) as a source for materials about Siberia in Europe and Russia in 18-19 centuries. *The World of Science, Culture and Education*. 2019;2(75):571–574. (In Russ.)
8. Pan, T. A. Dominique Parrenin's activities in Beijing. *Missionaries in the Far East: Proceedings of the international research conference (St. Peterburg, November 19–20, 2014)*. St. Petersburg, 2014. P. 161–170. (In Russ.)
9. Petrunina, Zh. V. Lorenz Lang mission to China in 1721 (based on materials from "Per diem Note..."). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2022;2:63–68. DOI: 10.24158/fik.2022.2.9 (In Russ.)
10. Russian-Chinese relations in the XVIII century: Materials and documents. (S. L. Tikhvinsky, Ed.). Moscow, 1978. Vol. 1. 704 p. (In Russ.)
11. Samoylov, N. A. The image of Peter the Great in the *Narrative* of the Qing ambassador Tulishen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. (In Russ.)
12. Samoylov, N. A. Lev Izmailov's mission to the Qing Empire: (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42 (In Russ.)
13. Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great's foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769 (In Russ.)
14. Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages. (V. I. Tsintsius, Ed.). Vol. 1. Leningrad, 1975. 672 p.; Vol. 2. Leningrad, 1977. 892 p. (In Russ.)
15. Filippova, T. F. Georg Johann Unverzagt and his description of a journey to China as part of L. V. Izmailov's Russian embassy in 1719–1722 (based on materials from the collections of the Rare Book Department of the Russian Academy of Sciences). *Russia and China: scientific and cultural ties (based on materials of archival, manuscript, book and museum collections)*. Issue 2. St. Petersburg, 2012. P. 12–18. (In Russ.)
16. Yakovlev, V. V., Perlin, P. V. John Bell and his description of a journey to China in 1719–1721. *VI Gotlib Readings. Oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region*. Irkutsk, 2023. P. 436–443. (In Russ.)
17. Aalto, P. John Bell's (1691–1780) notes from his journeys in Siberia and Mongolia. *International Journal of Central Asian Studies*. 1996;1:13–28.
18. Bell, J. A journey from St. Petersburg to Peking, 1719–22. (J. L. Stevenson, Ed.). Edinburgh, 1965. 248 p.
19. Cross, A. In the lands of the Romanovs. An annotated bibliography of first-hand English-language accounts of the Russian Empire (1613–1917). Open Book Publishers, 2014. 438 p.
20. Drew, R. F. A journey from St Petersburg to Peking, 1719–22 by John Bell, J. L. Stevenson. Review by: R. F. Drew. *The American Historical Review*. 1967;72(3):929–930.
21. Sinor, D. Linguistic remarks pertinent to John Bell's journey. *Acta Orientalia XXXII*. Copenhagen, 1970. P. 231–239.
22. The book of Ser Marco Polo, the Venetian: Concerning the kingdoms and marvels of the East (Cambridge Library Collection – Travel and Exploration in Asia). Vol. 1. 1st edition. Cambridge University Press, 2010. 612 p.
23. 张昌山·耿昇 编 从圣彼得堡到北京旅行记 (1719–1722) 出版社: 云南人民 2018. 199 页

Received: 10 January 2023; accepted: 27 February 2023